

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В ТЕОРИЯХ РОССИЙСКИХ ЛИБЕРАЛОВ НАЧАЛА XX в.

Аннотация. В статье рассмотрена позиция идеологов российского либерализма начала XX в. по проблеме соотношения государства и права. Показано, что, несмотря на то, что среди либералов были сторонники как теории первенства права, так и прямо противоположной точки зрения, их объединяло признание идеи связанности государства правом. При этом важнейшими условиями господства права либералы считали укорененность в общественном сознании идеи незыблемости прав личности и готовность граждан отстаивать свои права, тем самым утверждая взаимообусловленность правового государства и гражданского общества. Сформулированная либералами мысль о взаимной интеграции и координации власти и права может рассматриваться как адекватный для решения многих проблем современного общества подход.

Ключевые слова: государство, право, права личности, либерализм, государственная власть, правосознание.

Abstract. In the article we considered the position of ideologists of the Russian liberalism of the beginning of the XX century on a problem of a parity of the state and the right. It is shown, that in spite of the fact that there were supporters of the theories of superiority of the right, and the opposite point of view, among liberals, they all were united by the recognition of idea of the coherence of the state by the right. The liberals were sure that the major conditions of domination of the right in public consciousness of idea of firmness of the rights of the person and readiness of citizens to defend the rights, that approving interconditionality of a lawful state and a civil society. We sure, that the idea of the mutual integration and coordination of the authority and the right formulated by the liberals can be considered as adequate approach for the decision of many problems of the modern society.

Keywords: state, right, human rights, liberalism. State power, feeling for law and order.

Становление правового государства в постсоветской России актуализировало проблему соотношения государства и права, до сих пор имеющую дискуссионный характер. Поиск адекватного современным условиям разрешения данной проблемы побуждает обратиться к опыту ее осмысления отечественными учеными, философами, общественными и политическими деятелями. И в этом плане несомненный интерес представляют воззрения идеологов нового либерализма, разработавших модель правового государства применительно к России начала XX в. Помимо политико-практической значимости, взгляды отечественных либералов актуальны и с научной точки зрения как серьезный вклад в исследование теории правового государства.

Однако, несмотря на всплеск в последнее двадцатилетие интереса к либеральной концепции правового государства, позиция ее авторов – идеологов нового российского либерализма – по проблеме соотношения государства и права получила лишь фрагментарное освещение [1, 2]. Это обусловлено тем, что, как правило, исследуются взгляды либеральных юристов начала XX в., тогда как по персональному составу эти две группы пересекаются, но не совпадают. В настоящей статье предпринимается попытка восполнить данный историографический пробел.

Проблему соотношения государства и права идеологи нового российского либерализма считали «одним из самых неясных и запутанных вопросов» ввиду множественности его трактовок, предлагавшихся учеными и философами [3, с. 593]. Пытаясь систематизировать все подходы, либералы отмечали, что условно они могли быть разделены на две группы. Первую составляли теории первенства государства, рассматривавшие последнее как явление, предшествующее праву. Государство здесь выступало в роли творца правовых норм, а следовательно, стояло над правом. В другую группу входили теории первенства права, базировавшиеся на идее естественных прав и видевшие в государстве институт, сложившийся на почве предшествовавшего ему правопорядка и всецело основанный на праве. Промежуточное положение между этими двумя крайними точками зрения, по мнению Ф. Ф. Кокошкина, занимали теории параллелизма государства и права, пытавшиеся обосновать то и другое как возникающие независимо друг от друга, но взаимосвязанные силы [4, с. 138–139].

Среди российских либералов были сторонники всех трех позиций, так что проблема соотношения государства и права спровоцировала острую полемику между государствоведами. Однако дискуссия одновременно шла и в другой плоскости: идеологи отечественного либерализма, стремясь не к простому заимствованию зарубежных теорий, но к их творческому осмыслению, вели полемику и со своими зарубежными коллегами, не соглашаясь с теми или иными положениями теорий, которые разделяли по сути.

Идею первенства государства по отношению к праву в российском либеральном государствоведении наиболее последовательно отстаивали Г. Ф. Шершеневич, В. В. Ивановский, Н. И. Лазаревский и В. М. Гессен. Согласно Шершеневичу, государство предшествует праву и исторически, и логически. Правила общежития, регулировавшие взаимоотношения между людьми в догосударственный период, по мнению либерала, не были собственно правовыми нормами, ибо сущностной характеристикой последних является организованное принуждение, которое может исходить только от государства. Предшествующие государству социальные нормы стали правовыми, когда появилось государство, обеспечивающее их исполнение, а значит, заключал Шершеневич, право есть функция государства, оно логически немислимо без государства и до государства [5, с. 308–310]. На этом основании Шершеневич выступал с критикой идеи правовой связанности государства им же самим созданным правом, получившей наиболее полное обоснование в теории государственного самоограничения, сформулированной немецкими юристами, прежде всего Г. Еллинеком и Р. Иерингом. «Наивно... предполагать, что верховная власть сама себя ограничивает и что произвол ее сдерживается самоограничением, – писал либерал. – Кто сам себе ставит границы, тот всегда может их переставить» [6, с. 33].

Ивановский сосредоточил контраргументы против теории немецких государствоведов в юридической плоскости. «Никто не может установить права для самого себя, – утверждал он, – так как в этом случае всегда обнаруживалось бы отсутствие одного из существенных условий существования права именно принудительной санкции», ведь «принудить себя к чему-нибудь или угрожать самому себе каким-либо невыгодным последствием нельзя» [7, с. 15]. Принцип государственного самоограничения, по мнению Шершене-

вича и Ивановского, не только несостоятелен с юридической точки зрения, но и опасен с позиции политической практики, ибо внедряет в массовое сознание ошибочные представления о взаимоотношении общества и власти, тогда как рамки юридической неограниченности последней способны поставить, во-первых, сами граждане, оказывающие давление на власть с целью соблюдения своих интересов (причем эффективность этого воздействия напрямую зависит от степени сознательности и организованности граждан, иными словами, от уровня развитости гражданского общества), а во-вторых, чувство самосохранения самих властвующих, их элементарное благоразумие.

Иную интерпретацию теория государственного самоограничения получила у В. М. Гессена. Соглашаясь с идеей связанности правом государства управляющего, т.е. государства в лице правительственной и судебной власти, российский либерал отказывался признать ограниченность правом власти законодательной [8, с. 132–134], «Совершенно неубедительны попытки Еллинека доказать, что положительное право, и в частности закон, связывает и обязывает самого законодателя», – писал Гессен [9, с. 18]. Гарантию от произвола законодательной власти он видел в представительном способе ее организации.

Проблема соотношения государства и права оказалась сопряженной с вопросом организации и функционирования государственной власти не только у Гессена. Как отмечал Шершеневич, «дело не в том, чтобы связать государство правовыми нитками подобно тому, как лилипуты связали Гулливера. Вопрос в том, как организовать власть так, чтобы невозможен был или был доведен до минимума конфликт между правом, исходящим от властвующих, и нравственными убеждениями подвластных» [10, с. 558].

Категорическими противниками концепции первичности государства по отношению к праву выступили Ф. Ф. Кокошкин, М. М. Ковалевский, Н. М. Коркунов, П. И. Новгородцев, Е. Н. Трубецкой, настаивая на ее исторической и юридической несостоятельности, а также прямом противоречии важнейшей тенденции развития государства – возрастании значимости права. Государство все более склоняется перед властью права и признает его руководящим началом своей жизни, отмечал Новгородцев, во имя права всемогущее некогда государство вынуждено, с одной стороны, допустить в качестве непререкаемой границы своего господства свободную личность, а с другой – подчиниться нормам международного права [11, с. 397]. Новгородцев, как и ряд других либеральных теоретиков, первенство права обуславливал наличием естественных прав, присущих каждому человеку от рождения и уже в силу этого неприкосновенных для государства [11, с. 439]. Связанность государства правом обретала у либерала нравственное обоснование.

Кокошкин, отвергавший естественно-правовую концепцию, критиковал теорию первенства государства с исторической точки зрения. Он указывал, что, согласно историческим фактам, государственная власть возникает в результате трансформации общественной власти, когда поддерживающие последнюю общественные настроения кристаллизуются в абстрактных юридических нормах, устанавливающих обязанность повиновения власти и определяющих принципы ее организации. Таким образом, по Кокошкину, право выступает основанием государственной власти, предшествуя ей логически и исторически [4, с. 141–143]. Вместе с тем у Кокошкина прослеживается и этиче-

ская составляющая в обосновании господства права. С его точки зрения, предел государственному произволу ставит народное правосознание, отражающее те принципы организации и функционирования государственной власти, без соблюдения которых власть потеряет общественную поддержку. И если в ранние периоды истории роль таковых выполняли требования религиозного характера, например, обязанность главы государства – исповедовать и поддерживать определенную религию, то по мере освобождения политической жизни от связи с религией, указывал Кокошкин, на первое место выходит обязанность власти соблюдать основные права граждан [4, с. 144–146].

С концепцией Кокошкина перекликается теория Ковалевского, однако последняя имеет и некоторую специфику. По Ковалевскому, право возникает в тот момент, когда появляются первичные формы человеческого общежития (род, племя) для урегулирования социальных отношений. «При изолированности человека право не могло возникнуть, – писал либерал, – право возникло только с того момента, когда к Робинзону Крузо присоединился Пятница. До этого момента не могло существовать ни право, ни нравственность, так как и право, и нравственность существуют для потребностей общежительного союза. Изолированный человек не имеет никаких обязательств, он может делать с собой все, что ему угодно, и никаких юридических преград для него не существует и существовать не может» [12, с. 35]. Иными словами, право, согласно воззрениям Ковалевского, порождается требованиями общественной солидарности. Однако эта же причина лежит в основе образования государства. Таким образом, отмечает Ковалевский, и «право, и государство вытекают из одного источника, преследуют одну задачу, отвечают одной и той же потребности – человеческой солидарности», а потому между ними не может быть противоречия [13, с. 169]. Возникнув позже права, государство признает уже существующие в обществе нормы в форме положительного права, соблюдение которого обязательно для государства в целях самосохранения. Осознание общего источника права и государства и их тесного взаимодействия, с точки зрения Ковалевского, «делает совершенно праздными рассуждения о каких-то прирожденных людям правах, которыми они пользовались якобы в каком-то естественном состоянии и от которых они отказались только наполовину при создании государства» [13, с. 170]. В плане трактовки проблемы соотношения государства и права нетрудно заметить концептуальное сходство позиции Ковалевского с теорией социальной солидарности Л. Дюги.

Согласно теории Коркунова, право возникает в силу деятельности людей, первоначально носящей бессознательный характер. Различные поступки оставляют в сознании человека представления о самих действиях и их последствиях. Если последние благоприятны для индивида, он делает вывод о желательности данного поведения, тем самым действия переходят на осознанный уровень. «Возникновение права, – подытоживал Коркунов, – обусловлено сознательным соблюдением известных правил поведения как обязательных, но содержание этих первоначальных юридических норм не творится сознательно. Оно дается бессознательно сложившимися обычаями» [14, с. 149]. Поскольку вся деятельность человека обусловлена общением с другими людьми, то, поступая в соответствии с определенными правилами, человек ожидает того же от окружающих, а значит, право, указывал либерал, зарождается благодаря человеческой активности из взаимоотношений людей, т.е. имеет социальную природу.

Источник ограниченности власти правом Коркунов, отталкиваясь от психологической трактовки отношений господства-подчинения, находил в сознании подвластных. «Если властвование опирается на сознание зависимости граждан от государства, – писал либерал, – это не может не определять актов властвования, их рамок и условий» [14, с. 320]. Власть государства простирается лишь настолько, насколько граждане сознают себя от него зависимыми. А это сознание зависимости, указывал Коркунов, никогда не бывает «безграничным, безусловным» и, более того, постепенно, но неуклонно сокращается «с развитием общественной жизни, с образованием наряду с государством множества других общений, с успехами международного общения» [14, с. 320].

По убеждению сторонников идеи первенства права, исторический и этический приоритет последнего являлся гарантией от произвола государства, тогда как признание первенства государства фактически вело к возрождению старой теории всемогущего Левиафана, не только а priori исключающей вопрос о правомерности власти, но и оправдывающей государственный деспотизм. Так, Ковалевский писал: «Возможность признавать правом сегодня одно, а завтра другое, и признавать государственной изменой сегодня одно, а завтра совершенно обратное, показывает те практические последствия, которые вытекают из несвязанности государства им самим же издаваемым правом» [15, с. 209]. Ярким примером тезиса об обязательности права для граждан, но не для государства для Ковалевского служила ситуация с Финляндией, конституционные порядки которой были попорчены преемниками Александра I, хотя он и принял на себя обязательства сохранения этих порядков [12, с. 60]. Особую тревогу вызывала у либералов возможность упразднения государством личных прав, напрямую вытекавшая, по их мнению, из трактовки государства как единственного создателя права.

Оригинальный подход к проблеме соотношения государства и права предложил Б. А. Кистяковский. Государство и право, утверждал он, возникли и некоторое время развивались независимо друг от друга. Однако постепенно государство стало признавать одной из своих важнейших обязанностей заботу о праве. Начав с охраны права, указывал либерал, государство вскоре сделалось единственным судьей в вопросах действующего права, так что право как бы подчинилось государству. С усовершенствованием законодательной деятельности государства эта функция превратилась в доминирующую, в результате отмена старого права и установление нового стали считаться исключительной прерогативой государства. В этих размышлениях Кистяковского отчетливо проявились пристрастия к воззрениям Г. Гегеля, утверждавшего, что именно таким путем из простого охранителя права государство превратилось в его создателя.

Но, продолжал российский либерал, вскоре обнаружилось, «что в силу самой природы государства для него существует принудительная необходимость основываться в своей деятельности на праве» [3, с. 594]. «Доставляя государству опору, – указывал Кистяковский, – право вместе с тем постепенно обязывает его самого следовать правовым предписаниям и нерушимо их соблюдать. Идя этим путем, право с течением времени все больше и больше расширяет свое господство над государством», так что в итоге «перестраивает государство и превращает его в правовое явление или в создание права»

[3, с. 594–595]. Характеризуя взаимодействие двух институций в правовом государстве, Кистяковский писал: «...право и государство многообразно переплетаются друг с другом, взаимно друг друга обуславливая, дополняя и создавая. Каждое из них, постоянно меняясь ролями с другим, как бы является попеременно то причиной, то следствием другого. При таких условиях государство и право представляют собою не отдельно и независимо друг от друга существующие явления, а тесно и неразрывно между собою связанные различные выражения одной и той же совокупности явлений» [3, с. 611]. Анализ концепции Кистяковского позволяет отнести его к числу сторонников теорий параллелизма государства и права.

С точки зрения либерала, для законодательной деятельности государства действительно существуют известные границы, которые нельзя, однако, объяснить из действующего права и которые, следовательно, не являются юридическими. Кистяковский, вслед за Г. Еллинеком, назвал эти границы метаюридическими. Поэтому российский либерал считал, что «под связанностью государства правом... следует подразумевать связанность не только позитивным правом, т.е. не только тем правом, которое само государство устанавливает своей законодательной деятельностью, но и тем правом, которое живет в сознании народа и нигде пока не получило точного выражения в нормах официально признанного права. В таком понимании принцип самообязывания или связанности государства правом не может вызывать возражений» [16, с. 24].

В целом, обращение к воззрениям идеологов нового либерализма по проблеме соотношения государства и права показывает, что основополагающее значение для них имел вопрос о связанности государства правом. Несмотря на вариативность трактовок механизма этого связывания, либералы единодушно отстаивали правовой характер государственной деятельности. Критерием господства права для них выступало осуществление прав личности, поскольку, как указывал Кистяковский, и отдельная личность, и общество в целом составляют основу как права, так и государства. Важнейшими условиями подчинения государства праву представители российского либерализма считали утверждение в общественном сознании идеи незыблемости прав личности и готовность граждан отстаивать свои права законными средствами. «Органы государственной власти бывают действительно связаны законом только тогда, когда им противостоят граждане, наделенные субъективными публичными правами», – писал Кистяковский [3, с. 562]. По сути, речь шла о взаимообусловленности правового государства и гражданского общества. Актуальность этой мысли для современной России трудно переоценить. Помимо того, несомненно, достойна внимания идея либералов о взаимной интеграции и координации власти и права, а также о необходимости отказа последней от восприятия права только в качестве силы, помогающей сохранить социальный порядок. По мнению большинства либералов, право должно рассматриваться прежде всего как нормы, посредством которых упорядочиваются отношения между свободными индивидами, достигается компромисс между требованиями различных социальных групп [17, с. 118]. Таким образом, либеральные мыслители видели в праве фактор организации и трансформации общества, осуществляемой при непосредственном участии государства, которое само превращается в орудие общественного прогресса.

Список литературы

1. Корнев, А. В. Проблемы теории государства в либеральной правовой мысли России конца XIX – начала XX века / А. В. Корнев. – М. : Юрлитинформ, 2005. – 340 с.
2. Мамитова, Н. В. Либеральные концепции конституционного государства в России конца XIX – XX веков / Н. В. Мамитова. – М. : Моск. гос. ун-т коммерции, 2001. – 127 с.
3. Кистяковский, Б. А. Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права / Б. А. Кистяковский. – М. : Изд. М. и С. Сабашниковых, 1916. – 704 с.
4. Кокошкин, Ф. Ф. Лекции по общему государственному праву / Ф. Ф. Кокошкин. – Изд. 2-е. – М. : Изд. Бр. Башмаковых, 1912. – 306 с.
5. Шершеневич, Г. Ф. Философия права. Т. 1. Общая теория права / Г. Ф. Шершеневич. – М. : Изд. Бр. Башмаковых, 1910. – 320 с.
6. Шершеневич, Г. Ф. Общее учение о праве и государстве / Г. Ф. Шершеневич. – М. : Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1908. – 159 с.
7. Ивановский, В. В. Вопросы государственоведения, социологии и политики / В. В. Ивановский. – Казань : Типо-лит. Имп. ун-та, 1899. – 399 с.
8. Гессен, В. М. Теория правового государства / В. М. Гессен. – СПб. : Тип. СПб акц. общ. печ. и писчебум. дела в России «Слово», 1905–1906. – Т. 1. – С. 117–187.
9. Гессен, В. М. Теория правового государства / В. М. Гессен. – СПб. : Касса взаимопомощи студентов СПб политехн. ин-та имп. Петра Великого, 1913. – 68 с.
10. История политических и правовых учений : учеб. / под ред. О. Э. Лейста. – М. : Зерцало-М, 2002. – 677 с.
11. Новгородцев, П. И. Государство и право / П. И. Новгородцев // Вопросы философии и психологии. – 1904. – № IV (кн. 74). – С. 397–450.
12. Ковалевский, М. М. Общее учение о государстве / М. М. Ковалевский. – СПб. : СПб касса взаимопомощи студентов СПб политехн. ин-та, 1909. – 214 с.
13. Ковалевский, М. М. Учение о личных правах / М. М. Ковалевский // Опыт русского либерализма. Антология. – М. : Канон, 1997. – С. 168–212.
14. Коркунов, Н. М. Лекции по общей теории права / Н. М. Коркунов. – СПб. : Юрид. центр «Пресс», 2003. – 428 с.
15. Опыт русского либерализма. Антология. – М. : Канон, 1997. – 480 с.
16. Кистяковский, Б. А. Государственное право: общее и русское. Лекции, читанные в Московском коммерческом институте в 1908/1909 гг. / Б. А. Кистяковский. – М. : Изд. студ. комиссии Общества взаимопомощи студентов Коммерческого института, 1908. – 384 с.
17. Кистяковский, Б. А. В защиту права (Интеллигенция и правосознание) / Б. А. Кистяковский // Вехи : сб. статей о русской интеллигенции. – М. : Правда, 1991. – С. 122–149.

Вострикова Влада Владиславовна
кандидат исторических наук, доцент,
кафедра истории экономики, политики
и культуры, Всероссийский заочный
финансово-экономический институт
(г. Орел)

E-mail: vostr68@mail.ru

Vostrikova Vlada Vladislavovna
Candidate of historical sciences,
sub-department of history of economics,
politics and culture, All-Russia Distance
institute of finance and economics (Orel)

УДК 340.12

Вострикова, В. В.

Государство и право в теориях российских либералов начала XX в. /
В. В. Вострикова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2010. – № 3 (15). – С. 36–43.